

Философия как починка. Что Запад ценит и забывает в своем каноне живой философии 2025 года

Михаил Минаков ¹

Аннотация: *Специальный выпуск Philosophie Magazine с рейтингом «десяти важнейших ныне живущих философов» (2025) — не просто медийный жест, а зеркало западной саморефлексии. Под одинаково респектабельной рамкой соседствуют имена Гаятри Спивак, Петера Sloterdajka, Томаса Нагеля, Элен Сиксу, Юргена Хабермаса, Ту Вэймина, Питера Сингера, Славоя Жижека, Донны Харауэй и Александра Ключе: из них выстраивается западный портрет цивилизации, предпочитающей «починку» революции. Разнообразие подходов сходится в терапевтической философии — дисциплине по лечению моральной и политической усталости модерна. Автор настоящей статьи читает рейтинг как социограмму западного мышления в позднелиберальной ситуации и утверждает, что за ним стоит «иммунологическая» логика: философия как моральная самозащита, сосредоточенная на включении, устойчивости и этическом обслуживании, при этом аккуратно обходящая структурную критику власти, капитала и техники. В финале предлагается концепция «репаративного Просвещения 2.0» — философии, способной сохранять совесть и возвращать воображение.*

Ключевые слова: *живая философия, рейтинг, починка, иммунитет, модернность*

Введение: Канон как зеркало

В 2025 году *Philosophie Magazine* ² — ведущий французский журнал идей, где философия регулярно появляется на витрине — выпустил спецномер «Десять важнейших ныне живущих философов». Номер мгновенно разошёлся по европейским книжным магазинам и лентам соцсетей, вызвав привычную смесь восхищения и усталого зевка. Это был сковородиновский акт саморазнавания:

---

¹ Михаил Анатольевич Минаков — д. филос. н., гостевой профессор Европейского университета Виадрина и профессор Свободного университета. Научные интересы: онтология, политическая философия, история западной философии. Долгое время работал и преподавал в Киево-Могилянской академии. Информация о книгах и статьях М. А. Минакова находится на авторском сайте: <https://www.minakovphilosophy.com/>.

² *Philosophie Magazine*. (2025, Autumn). *Die Jahrhundert-Philosophen [Sonderausgabe Nr. 34]*. Paris: Nomen Verlag.

зеркало, поднесённое к лицу западной мысли в момент неуверенности, когда ей необходимо понять, что ещё можно считать философски значимым в эпоху войны, экологической паники и алгоритмической политики. Избранная философская десятка — Спивак, Слотердаик, Нагель, Сиксу, Хабермас, Ту Вэймин, Сингер, Жижек, Харауэй и Клюге — вырисовывает любопытный профиль современного рассудка: почтенный, плюралистичный, морально заряженный и, откровенно говоря, реформаторский до костей.

Редакционная преамбула подчёркивает инклюзивность своего рейтинга: три женщины, несколько неевропеоидных голосов, сочетание аналитической, континентальной и (дальне)восточной традиций. Жест важный, и всё же существеннее не то, кто включён, а какие идеи становятся видимыми благодаря включению. Любой канон — книг, мыслителей или принципов — есть негласная социология собственной культуры: он показывает, что цивилизация считает пригодным к спасению среди собственных руин.¹ Соединяя постколониальную критику с коммуникативным разумом, экофеминизм — с ко-иммунитетом, утилитарную этику — с конфуцианским самовоспитанием, редакторы предложили не столько суд о величии современной философии, сколько диагноз потребностей западной интеллектуальной традиции на данный момент. И, разумеется, сделали это с безупречной европейской деликатностью.

Рейтинги философов редко бывают про философию. Чаще это инструменты самолегитимации публичной сферы, не до конца понимающей, «для чего» философия сегодня вообще годится. В конце XX века канонизация означала авторитет: иерархию, подкреплённую метафизикой или революционной критикой. В XXI-м она стала культурной терапией, мастерством починки. Перед лицом дезинформации, политической усталости и моральной фрагментации западные интеллектуалы ищут доказательство, что мышление всё ещё имеет вес и что-то может исправить. Канон, некогда симптом интеллектуальной гордыни и капиталистического потребления интеллектуального продукта, сегодня играет роль ритуала ремонта — попытки стабилизировать смысл после десятилетий кризисов.² Ничто так не успокаивает образованного обывателя, как хорошо сверстанная десятка имён.

По этой причине выпуск читается не как перечень «великих умов», а как коллективный механизм преодоления проблем. Оптимистический, но настороженный тон выдаёт неловкость цивилизации, осознающей одновременно моральное истощение и перепроизводство идей. Выбранные мыслители не проектируют новые миры — они перевязывают раны старого. В «иммунологических сферах» Слотердайка, в «говорящей подчинённой» Спивак,

---

¹ Об этом см.: Bourdieu, P. (1988). *Homo academicus* (P. Collier, Trans.). Stanford University Press.

² См.: Brown, W. (2019). *In the ruins of neoliberalism: The rise of antidemocratic politics in the West*. Columbia University Press; Habermas, J. (2022). *A new structural transformation of the public sphere and deliberative politics*. Polity Press.

в «Хтулуцене» Харауэй и даже в позднем (а может и запоздалом) призыве Хабермаса к обновлённому публичному разуму звучит одна тема: как сохранить значимость без насилия, истину — без трансценденции, общность — без принуждения.

Контекст 2025 года придаёт этому списку срочность. Европа живёт в наложении чрезвычайных режимов: российская война против Украины, ускоряющиеся климатические изменения, кризис демократической легитимности, тревога вокруг искусственного интеллекта. Послевоенное доверие к либеральному универсализму расколото, но альтернативная картина мира так и не сложилась. В этих условиях функция философии сдвигается: она уже не претендует вести историю — она составляет инструкции по техобслуживанию повреждённой современности.¹ Речь идёт не о спасении, а об умении держаться на плаву, латая дыры. Надолго ли — другой вопрос.

Для автора, получившего философское образование в постсоветском и евроромантическом Киеве, перемена ощутима особенно. На восточно-европейских окраинах философия как починка звучит жизнеутверждающе: культуры «кровоземья» здесь постоянно штопают себя между империями, национализмами и войнами. В западном ядре та же интонация рождается из кризиса самопроизводства: усталости от неолиберализма, одиночества цифрового быта, все более отъявленного цинизма позднекапиталистических демократий. Контексты разные, вывод похожий: философия снова должна говорить о выживании — не о героической революции, а о коллективной стойкости, добытой мышлением.

Отсюда и метод: читать рейтинг не как хронику идей, а как археологию релевантности. Каждый из десяти воплощает ответ на хрупкость настоящего. Процедурная рациональность Хабермаса стремится к делиберативной легитимности; Спивак и Харауэй учат очень специфичному включению; Слотердаик — а вместе с ним и косвенно упоминаемый Эспозито — концептуализируют защиту; Сингер поставляет моральное исчисление; Жижек поддерживает отрицание; Ту Вэймин возвращает духовное самовоспитание; Ключе спасает воображение; а Нагель охраняет саму идею сознания. Вместе это выглядит как «иммунологическое созвездие», набор концептуальных антител, защищающих Запад от ощущаемого им упадка. Тут ирония в том, что даже антитела здесь — изящно отредактированные. И да, эта десятка — точно связана с ковидной травмой редакторов журнала.

В этом эссе я работаю интерпретативно и диагностически. Следуя социологии интеллектуальных полей,² я рассматриваю рейтинг как артефакт

---

¹ Об этом см.: Esposito, R. (2011). *Immunitas: The protection and negation of life* (Z. Hanafi, Trans.). Polity Press.

² См.: Bourdieu, 1988, цит.; Collins, R. (2020). *The sociology of philosophies: A global theory of intellectual change*. Belknap Press.

институционального разума: его производят редакторы, распространяет культурный капитал, валидируют академические и медийные среды. Но эта статья написана философом, вовлечённым в работу с этими идеями и чувствующим их внутренние противоречия. И эти противоречия напоминают об уроках немецкой критической традиции: канонизация часто маскирует идеологию.

Моя гипотеза такова: канон 2025 года выражает существующий режим западной философии — своеобразную «философию починки». Философия починки ценит плюрализм, эмпатию и процедурную этику; настороженно относится к метафизике и революции; стремится не к трансценденции, а к иммунитету от болезней мышления и практики. Такой выбор отвечает реальным запросам западных обществ — стабильности в расколотых сообществах, включению после веков исключения, смыслу жизни в технократических средах. Но он обнажает и пустоты: отсутствие внимания к политэкономии, отказ от анализа отношений господства и подчинения, забытие метафизической дерзости, а также незнание мысли Глобального Юга и постсоветского Востока. Журнальная десятка выглядит разнообразной, пока не спросишь, чего в ней нет.

Отсюда двойная задача этой статьи. Во-первых, декодировать, что этот набор имён говорит о нынешнем интеллектуальном обмене веществ на Западе — о его предпочтительных идеях и скрытых зависимостях. Во-вторых, выявить зоны невидимости — те области мысли и жизни, которые моральная иммунология западной мысли не желает замечать, чтобы не нарушить хрупкое равновесие. Так вырисовывается контур западного Логоса в кризисе: осторожный, включающий, красноречивый — и всё более административный в представлении о том, чем должна быть философия. Возможно, слишком административный, чтобы снова рискнуть дерзающим воображением.

Десять философов как карта западной мысли

Если философия сегодня действительно превратилась в ремесло ремонта, то рейтинг *Philosophie Magazine* 2025 года — это её чертёжный зал. Каждый из десяти выбранных мыслителей — отдельный инструмент в нынешнем наборе западного самовосстановления: совокупность идей, призванных сохранить легитимность, вернуть эмпатию и поддерживать смысл при хронической усталости от себя и мира. Вместе они заменяют утопии освобождения скромными программами устойчивости, коммуникации, включения и выживания.

Хабермас и грамматика легитимности

Нет живого философа, который воплощал бы западную жажду разумного примирения точнее, чем Юрген Хабермас. Уже шесть десятилетий он служит теоретиком второго шанса для современного разума — веры в то, что общество

можно чинить если не добрым, то хотя бы честным словом, не прибегая к дубинке. Его концепция коммуникативного действия¹ превращает кантовскую автономию в коллективное предприятие — рациональность, распределённую через диалог, а не заключённую в метафизические системы.

В досье журнала Хабермас предстает как инженер-гидротехник демократии: в *A New Structural Transformation of the Public Sphere* (2022) он проектирует, как выдержать давление алгоритмов и популизма, не разрушив мост публичного разума. Для Запада это больше, чем философия, — это инструкция по моральному обслуживанию инфраструктуры. Как заметила Нэнси Фрейзер,² Хабермас сохраняет надежду, что рассудок ещё способен склеить треснувшее общество. Но с постсоветской окраины эта вера выглядит трогательно наивной: общие факты исчезают, институты дрожат, доверие перешло в категорию утопий. Поэтому Хабермас сегодня — памятник горизонту, от которого Запад не может отказаться, хотя он уже скрыт в густеющем тумане пост-транзитной эры.

Слотердаjk и архитектура ко-иммунитета

Если Хабермас строит мосты, то Петер Слотердаjk возводит купола. Его трилогия *Sphären* (1998–2004) и книга *You Must Change Your Life* (2013) — проект «иммунологии совместности». Модерн для него — гигантский эксперимент по изоляции от случайности с помощью культурных, политических и технологических мембран. Центральный образ — *ко-иммунитет*: зависимость наших защит друг от друга.

Журнал представляет Слотердаjка как архитектора эпохи Антропоцена — мыслителя, учившего жить в своих пузырях, не лопая соседние. Его знаменитая «пена» заменяет гегелевское целое множеством мелких соприкасающихся миров. Метафора идеально подходит цивилизации, уставшей от универсализма, но не готовой от него отказаться. В Берлине, где идеи Слотердаjка давно перешли из философии в урбанистику и дизайн, его место в каноне кажется закономерным: он дал метафизику для управления глобальными рисками. Опасность лишь в том, что эта поэтическая геометрия легко утешает — превращая социальное неравенство в красивую архитектурную деталь.

Спивак, Харауэй и Сиксу: грамматика различия

Чтобы уравновесить архитектуру мужского разума, рейтинг выставляет три женских имени — Гаятри Спивак, Донну Харауэй и Элен Сиксу. Вместе они образуют триптих интеллектуального непослушания, в котором деконструкция становится формой заботы.

---

¹ Habermas, J. (1987). *The theory of communicative action* (Vols. 1–2). Beacon Press.

² Fraser, N. (2022). *Cannibal capitalism: How our system is devouring democracy, care, and the planet — and what we can do about it*. Verso.

Спивак с эссе *Can the Subaltern Speak?* (1988) разоблачила, как даже радикальные западные теории воспроизводят немоту колонизированных. Позднее она превратила этот диагноз в педагогию этического слушания — настойчивый урок эпистемологической скромности.¹ Для Запада Спивак — одновременно укор и отпущение грехов: она позволяет переживать свою вину с методологической грацией.

Харауэй продолжает этот импульс, расширяя круг сочувствия до нечеловеческого. Её *Cyborg Manifesto* (1985) и *Staying with the Trouble* (2016) стирают границы между организмом и машиной, человеком и планетой. Её неологизм *Chthulucene* стал своего рода светской теологией заботы — миром, где связь между всеми живыми субъектами заменяет спасение.²

Сиксу — старшая из трио — добавляет к критике музыкальность. В *Le Rire de la Méduse* (1976) она призвала к *écriture féminine*, письму-телу как сопротивлению фаллоцентрическому языку. Возвращение Сиксу в канон — признание того, что включение требует не только новых голосов, но и старых мелодий.

Вместе эти три фигуры воплощают то, что Фрикер назвала эпистемологической справедливостью: перераспределение доверия.³ Но, как шепчет мне мой внутренний скептик, бунт, попавший в программу курса, рискует превратиться в моральный этикет. Когда разнообразие становится главным экспортным товаром, оно утешает институты вместо того, чтобы заставлять их меняться или же их менять.

Сингер и этика исчисляемого

На другом полюсе — Питер Сингер, апостол рационального сострадания. Его *Animal Liberation* (1975) и *Practical Ethics* (2011) превращают эмпатию в алгоритм: добро измеряется суммой предотвращённой боли. Запад обожает Сингера именно за холод его логики — она позволяет быть добродетельным, не теряя хронометра.

В каноне 2025 года Сингер — инженер морали либерального мира. Его утилитаризм лежит в основе гуманитарных технологий, от этики искусственного интеллекта до благотворительных фондов. Как едко заметила Нуссбаум, эта процедурная добродетель делает его этику удобной для

---

¹ Spivak, G. C. (2012). *An aesthetic education in the era of globalization*. Harvard University Press.

² Chthulucene — термин Донны Харавей, которым она обозначает эпоху взаимосвязанности всех форм жизни, приходящую на смену антропоцентрическому Антропоцену. Это время сосуществования и сотворчества людей, животных, технологий и природных процессов в единой земной сети. См.: Haraway, D. J. (2016). *Staying with the trouble: Making kin in the Chthulucene*. Duke University Press.

³ Fricker, M. (2007). *Epistemic injustice: Power and the ethics of knowing*. Oxford University Press.

управления.¹ Но чем строже расчёт, тем тише страсть: в безупречно рациональном мире исчезает место для понимания бушующего политического конфликта и вала моральных неожиданностей.

Нагель и защита сознания

Томас Нагель — голос философии, которая всё ещё помнит о тайне. Его знаменитое эссе «Каково это — быть летучей мышью?» превратило субъективный опыт в последнее убежище человечности. В *Mind and Cosmos* (2012) он дерзнул сказать, что неodarвинизм «почти наверняка ложен». Для мира, тревожащегося из-за ИИ и нейронаук, эта ересь прозвучала как молитва.

В каноне Нагель играет роль светского мистагога: он напоминает, что сознание — не сбой эволюции, а фундамент реальности. Его вежливое «нет» редукционизму стало последним доводом в пользу души без Бога.

Ту Вэймин и конфуцианское самовоспитание

Присутствие Ту Вэймина — самый тонкий штрих рейтинга. Он представляет возрождение конфуцианского гуманизма для плюралистического мира. В книге *Centrality and Commonality* (2010) он описывает самовоспитание (*xiushen*) как пожизненную моральную практику — этику без теизма.

Для западного читателя философия Ту — универсализм без догмы, духовность без религии, коллективизм без коллективизма. Иначе говоря, зеркало западных желаний, повернутое на Восток. Как верно заметил Дэниел Белл, Запад видит в Конфуции не инаковость, а удобную версию Канта.²

И да, пара Ту Вэймина и Гаятри Спивак — это дань глобальной политкорректности, балансирующей китайский и индийский голоса с приемлемостью для западной интеллектуальной традиции.

Жижек и возвращение Абсолюта

Славой Жижек — фигура и комическая, и трагическая одновременно. Словенский теоретик, смешавший Гегеля с Лаканом и стендапом, остаётся последним революционером, допущенным на сцену университетской Европы. Его «параллакс-взгляд» утверждает: истина рождается только из противоречия.³

Для западной публики Жижек — живое напоминание, что революция когда-то была философской возможностью. Его диалектическая клоунада сохраняет отрицание как форму ностальгии. Так Запад гарантирует себе

---

¹ Nussbaum, M. C. (2006). *Frontiers of justice: Disability, nationality, species membership*. Harvard University Press.

² Bell, D. A. (2008). *China's new Confucianism: Politics and everyday life in a changing society*. Princeton University Press.

³ Žižek, S. (2009). *The parallax view*. MIT Press.

безопасную дозу марксизма, не рискуя испачкать руки в подавлении новой революции.

Клюге и воображение возможного

Александр Клюге — мост между философией и искусством. Его понятие *Theoros* — наблюдателя, фиксирующего различия, — превращает повествование в метод познания.¹ Для Клюге теория — это внимательность, воображение, дисциплинированная способность видеть в будущем сослагательность, а не приговор.

Его присутствие в рейтинге знаменует эстетизацию мышления: философия перестаёт строить системы и начинает рассказывать истории, которые помогают с этими системами жить. Современность, сказал бы Козеллек, — это прошедшее, повернутое лицом к будущему; Клюге же возвращает будущему взгляд современности, способной мечтать без оглядки на прошлое.

Узор ризомы

Если внимательно посмотреть на узор, сложившийся из этой десятки, то ее пестрота растворяется в общей эмоциональной структуре. Континентальная и аналитическая школы, некогда заклятые враги, теперь поют в унисон гимн выживаемости Запада. Разум должен быть делиберативным, пространство — защищённым, различие — признанным, сострадание — подсчитанным, сознание — уцелевшим, самость — воспитанной, отрицание — контролируемым, воображение — сослагательно структурированным.

Так выглядит философский иммунитет Запада 2025 года — плюралистичный, гуманистичный, и, в глубине, предельно консервативный: он стремится не преобразить, а уберечь и починить распадающуюся связь времен. Кажется, редакция журнала считает, что философия говорит языком обслуживания, а не созидания: то, что когда-то было революцией духа, стало услугой совести.

Что нужно Западу: ценности, лежащие в основе канона

Если пригасить блеск громких имён, из-под рейтинга *Philosophie Magazine* проступает эмоциональная карта западного мышления 2020-х. За методологическими различиями — между феминистской поэтикой, конфуцианской умеренностью и аналитической строгостью — слышится общий тон: этика починки. Тщательно подобранные философские идеи, выраженные в форме рейтинга, не зовут в будущее; они починают примус настоящего.

---

¹ Kluge, A. (2017). *Das Buch der Kommentare*. Suhrkamp.

Каждый из них предлагает способ существовать среди обломков — не теряя достоинства и не строя утопий.

Канон, таким образом, говорит не столько о том, кого Запад ценит, сколько о том, во что он хочет верить. Вера эта проста: что преемственность — ещё возможна, что разум и совесть способны удержать цивилизацию на грани выгорания.

Философия как починка, а не революция

Первое, что бросается в глаза, — безусловный пацифизм мышления (— и это на фоне все большего милитаризма политики). Выбранные философы избегают разрыва и трансгрессии, предпочитая лечение реформе. Их категории — диалог, улучшение, выносливость. Никаких операций, только терапия.

Хабермас всё ещё верит в диалог как инструмент спасения институтов; Слотердаик строит купола вместо баррикад; Харауэй предлагает «оставаться в неприятностях», не покидая их;¹ Ту Вэймин называет этический прогресс упражнением на всю жизнь.² Даже Жижек — когда-то воплощение бунтарского отрицания — сегодня скорее ритуальный дежурный по диалектике, чем призыв к бунту.

Такое единодушие подтверждает то, что Венди Браун и назвала терапевтическим поворотом западного разума: философия становится психоанализом цивилизации, которая боится новых травм.³ После десятилетий разочарований — от 1968-го до Brexit'a — Запад ждёт от мышления не откровения, а утешения.

Для эмигрировавшего киевлянина это выглядит немного иначе. На Востоке Европы философия по-прежнему учится на опыте войны, а не семинара; здесь слово «выживание» не метафора. Поэтому западная установка на «ремонт» кажется гуманной и милой, но беззубой и декадентской. Как эмигрант, работающий в немецком университете, я также понимаю, что критическая теория родилась как отрицание, а не «курс по позитивной психологии».⁴ А как бывший вашингтонец я добавил бы: массовый читатель ныне предпочитает «осознанность» и «разбуженность» критике и усилию мыслить, а философия вынуждена подстраиваться под рынок внимания. В результате все три мои геокультурные перспективы показывают, что философия починки превращается в некое «культурное спа»: тут разум отдыхает, совесть омолаживается и можно проколоть ботоксом морщинки праксиса.

---

¹ Haraway, D. J. (2016). *Staying with the trouble: Making kin in the Chthulucene*. Duke University Press.

² Tu, W. (2010). *Centrality and commonality: An essay on Confucian religiousness* (2nd ed.). State University of New York Press.

³ Brown, 2019, цит.

⁴ Adorno, T. W. (1966). *Negative dialectics*. Suhrkamp.

Институциональный разум и бюрократическая этика

Вторая ценность канона — вера в институт. Эти философы не враги системы; они её терапевты. Их идеи можно встроить в программы, отчёты, политические доктрины.

Хабермас проектирует процедуру консенсуса, Сингер предлагает моральные формулы для НКО, Спивак и Харауэй создают образовательные рамки для «этического включения», Слотердаик — метафоры для архитектуры безопасности. Философия, перестав быть трансцендентной, стала инфраструктурной: она обслуживает управление, снабжая его моральным словарём. Упомяну Браун еще раз: неолиберальный разум не уничтожает критику — он её аутсорсит. В этих условиях философия становится внутренним аудитором системы.

Если взять мои три геокультурные перспективы, то ситуация выглядит обреченной. С немецкой стороны это выглядит как превращение рассудка в протокол: рациональность как форма комплаенса. В восточноевропейской перспективе — как благородная форма недосказанности: Запад предпочитает обсуждать «ценности», чтобы не обсуждать собственное господство. В глазах вашингтонца эти подходы выглядят, пожалуй, изящно, но фатально: критика, после прохода сертификации, теряет способность двигать историю.

Включённость как новая легитимность

Третья ценность — этика включения. Для Запада, переживающего постколониальное похмелье, инклюзия стала универсальным методом отпущения грехов.

Присутствие Спивак, Харауэй и Сиксу в десятке закрепляет этот моральный рефлекс. Их феминизм и деколониальная чувствительность легализуют систему, превращая вину в метод. Но, как напомнил бы Мбембе, такое включение часто репрезентативно, а не структурно.¹ Оно умножает голоса, не меняя микрофон и его владельца.

Рационализированное сострадание

Четвёртая ценность канона — дисциплинированная эмпатия. Сингер и Ту Вэймин символизируют это направление: первый измеряет добро математикой, второй воспитывает его с помощью ритуала. В обоих случаях чувства упакованы в метод.

Западу это льстит. Здесь можно быть добрым, не теряя самообладания. Как показала Эва Иллуз, современная чувствительность Запада

---

¹ Речь о его рефрене в эссе, опубликованных в: Mbembe, A. (2020). *Out of the dark night: Essays on decolonization*. Columbia University Press.

приватизирована и стандартизирована: сострадание стало сервисом.¹ В результате эмоции обслуживают порядок, а не бросают ему вызов.

Антиредукционистский гуманизм

Пятая ценность десятки — защита человеческой индивидуальности. От Нагеля до Клюге — все они охраняют автономию субъективности. На фоне бума ИИ и нейроэкономики этот гуманизм звучит особенно уютно и успокаивающе.

Уже в 2010 году Джейн Беннет заметила, что современный гуманизм выживает, переключая «агентность» на материю, но и это лишь способ сохранить смысл.² Сейчас это еще заметнее в парадоксе того, что, восхваляя человечность, мысль Запада все больше зависит от машин. Философия становится символическим брандмауэром: она охраняет душу, пока код переписывает реальность.

Моральная архитектура выживания

Все пять ценностей — починка, институционализм, инклюзия, рациональное сострадание и гуманизм — складываются в моральную инфраструктуру мысли современного Запада. Они определяют, что можно мыслить, публиковать и финансировать без скандала.

Даже в моей разорванной перспективе это выглядит противоречиво. Для киевлянина эта инфраструктура выглядит одновременно как достижение и симптом: да, Запад научился быть приличным, но забыл, как быть смелым. С точки зрения немецкого профессора, я следую за Слотердайком: западная цивилизация сохраняет «вертикальное напряжение», но без трансценденции — это всего лишь дрейф.³ А из вашингтонского офиса всё это видится как мастерски сверстаный PR разума: красиво, вежливо, почти без пульса и хорошо расходится по рукам.

Итак, философский канон 2025 года говорит о Западе, который выжил, но перестал мечтать. Его философия стала культурой: благородной, выразительной, безвредной. И всё же именно в этом благородстве — предупреждение о судьбе господина, забывшего гегелевскую «Феноменологию Духа».

Что Запад забывает: слепые зоны канона

С первого взгляда канон *Philosophie Magazine* кажется гуманистическим триумфом: он состоит из философов заботы, диалога, эмпатии и осознанности. Однако под этим сиянием гуманности лежит густая тень. Канон говорит о том,

---

¹ Illouz, E. (2021). *The end of love: A sociology of negative relations*. Polity Press.

² Bennett, J. (2010). *Vibrant matter: A political ecology of things*. Duke University Press.

³ Об этом см.: Sloterdijk, P. (2013). *You must change your life: On anthropotechnics* (W. Hobson, Trans.). Polity Press.

что Запад хочет помнить, — и тем самым выдает, чего он боится и о чем усиленно забывает. Эти фигуры умолчания красноречивее любых цитат. За рациональностью и милосердием скрыты, как мне кажется, несколько тревожных лакун: экономическая, политическая, технологическая и метафизическая. Всё, что может разрушить терапевтическое равновесие, аккуратно вырезано скальпелем культуры. Хирургия замалчивания — самая изящная из медицинских искусств.

Забывтая политэкономия

В каноне нет капитала — ни в смысле Маркса, ни в смысле собственности. Лексика классов, труда, эксплуатации заменена словами «уязвимость», «устойчивость», «включение». Этическая чувствительность вытеснила анализ структур. Хабермас, Слотердаик, Харауэй говорят о солидарности, соучастии, «ко-иммунитете», — но не о прибавочной стоимости и товарном фетишизме. Это и есть то, что Нэнси Фрейзер называла *каннибальским капитализмом*: системой, которая поедает свои же моральные органы.¹ Когда эксплуатацию называют «риском», философия превращает экономику в метафору боли. Получается терапия капитала — исповедь без раскаяния.

Моя киевская идентичность тут восстает: отказ говорить о материальном звучит почти мистически. На Востоке Европы, где война возвращает политике физическую плоть, отнимая ее у экономики, абстракция кажется роскошью. Да и для немецкого читателя это подтверждает адорновскую догадку: критика, утратившая интерес к производству, становится культурой.²

Отсутствие государства и вытеснение насилия

Следующая зона амнезии касается государства: оно исчезло как категория философской мысли. Хабермас заменил суверенитет дискурсом; Слотердаик — архитектурой; Спивак и Харауэй — горизонтальными сетями; никто не говорит о принуждении и господстве.

После веков империй и войн Запад стесняется собственной силы. Он воображает политику как сервис, а не как решение о жизни и смерти. Но, как напоминают нам мерзкие и внерејтинговые Шмитт и Агамбен, суверенитет не исчезает, если его не называть: он лишь меняет форму, а потребность в нем только растёт.³

Технология как метафора

Третья фигура умалчивающего забвения — технология. Харауэй ещё в 1985 году придумала «киборга» — но Запад с тех пор научился пользоваться

---

¹ Fraser, 2022, цит.

² Adorno, 1966, цит.

³ См.: Schmitt, C. (2005). *Political theology: Four chapters on the concept of sovereignty* (G. Schwab, Trans.). University of Chicago Press; Agamben, G. (1998). *Homo sacer: Sovereign power and bare life*. Stanford University Press.

роботом, не читая манифестов. Цифровой капитализм не цитирует философов; он нанимает инженеров. Впрочем, центральные фигуры цифрового капитала стали поп-философами.

Тем временем философия эстетизирует технику. Клуге и Нагель защищают воображение и сознание, но не анализируют инфраструктуру, которая определяет, что мы видим и знаем. Нет ни анализа алгоритмов, ни политики данных, ни материальности кода.¹

С немецкой кафедры мне кажется, что это — интеллектуальный фетишизм: говорить о машинах метафорически, чтобы не трогать реальные. Из киевского бомбоубежища все это представляется непониманием масштаба угрозы, где дрон важнее метафоры. Из вашингтонского офиса — это изящное бегство в стиль: как будто красивая проза способна выключить сервер или обезвредить мину.

Скрытая метафизика Юга

На поверхности канон выглядит инклюзивным, но его инклюзия — курируемая. Ту Вэймин удобен, потому что его конфуцианство можно перевести на либеральный язык; Сливак — потому что её деколониальность говорит на языке Деррида. Отсутствуют другие голоса: африканская онтология *ubuntu*,² исламская космология,³ латиноамериканская философия освобождения,⁴ критическая мысль из Восточной Европы.⁵ Они не вписываются, потому что не хотят быть западным «разнообразием» — они слишком претендуют на истину и редко публикуются на западных языках.

Геронтократия мудрости

Еще один фактор. Если немецкий идеализм был рожден почти тинейджерами (хорошо, философами на третьем десятке жизни), то все десять наших чемпионов родились до 1945 года. Их общий опыт — война, холод, восстановление. Их добродетель — зрелость. Запад доверяет возрасту: молодёжь может протестовать, но философствовать должно старикам. Впрочем, западная геронтократия еще заметней в политике.

---

¹ См.: Srnicek, N. (2017). *Platform capitalism*. Polity Press; Zuboff, S. (2019). *The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power*. PublicAffairs.

² Убунту — это южноафриканская философская концепция, которая подчеркивает универсальную взаимосвязь человечества и идею о том, что человек является человеком через других людей. Эта философия означает, что наша идентичность и полноценное существование раскрываются только через отношения с другими, проявляя такие качества, как гуманность, доброжелательность, взаимопомощь и гармонию внутри сообщества. Больше см. в: Wiredu, K. (1998). *Cultural universals and particulars: An African perspective*. Indiana University Press.

³ Nasr, S. H. (1992). *The need for a sacred science*. State University of New York Press.

⁴ Dussel, E. (2013). *Ethics of liberation in the age of globalization and exclusion*. Duke University Press.

⁵ К примеру, оригинальные концепции Андрея Баумейстера, Михаила Немцева или Сергея Дацюка — назову лишь нескольких из гораздо большего числа.

В этом есть достоинство — и стагнация. Молодые движения — эко-социалисты и -консерваторы, дигитальные коммунары с темными просветителями, воук-активисты и квир-критики — в канон не попадают. Любовь к мудрости превращается в консервативную форму выживания, скучный секс для продолжения рода.

Удалённая теология

Западная философия давно гордится своей секулярностью. Даже когда в каноне появляется духовность, она метафорична. Ту Вэймин — религиозен без Бога; Харауэй — мифологична без метафизики. Современная мысль явно ищет тепло без огня.

Отказ от теологии понятен — после Освенцима живая вера стала подозрительной. Но без религиозного собеседника философия теряет высоту. Как заметил когда-то Тейлор, секулярность — не отсутствие Бога, а множество его масок.¹ Когда философия стесняется трансценденции, она обедняет даже гуманизм, впрочем, разнообразя коллекцию масок в офисах профессоров.

Отсутствие институционального воображения

И, наконец, канон не предлагает новых форм организации социальной жизни. Он рассуждает о «делиберации» и «участии», но не проектирует институтов для столь быстро и радикально меняющихся обществ как Запада, так и остального человечества. Хабермас модернизирует дискуссию, а не Бундестаг; Слотердаик наполняет пену, а не бюджет. Запад говорит о демократии, не обновляя её архитектуру.

Латур настаивал на том, что институты — это сети, которые нужно собирать заново постоянно.² Но канон 2025 года предпочитает обсуждать мораль, а не инженерные чертежи. Так философия превращает свой ремонт в косметический: красивые обои на все тех же грибковых стенах.

Что говорят тени

Эти лакуны образуют рельеф западного сознания. Западная мысль, по крайней мере в версии редакции *Philosophie Magazine*, защищает себя от отчаяния, вычеркивая всё, что способно разрушить равновесие. Класс, власть, трансценденция, молодость, Юг — все они превращены в культурный фон. Результат — стареющая цивилизация, которая куражится совестью. Згадала баба як дівкою грішила...

Из Восточной Европы этот канон смотрится как убежище без крыши: впечатляет, но течёт и не защищает от дронов. Из Берлина — как музей разума: выставленный свет, идеальная температура, и никакого шума улицы. Из

---

¹ Taylor, C. (2007). *A secular age*. Belknap Press of Harvard University Press.

² Latour, B. (2005). *Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory*. Oxford University Press.

Вашингтона — как бестселлер добродетели: красиво, искренне, безопасно. Запад всё ещё жаждет смысла — но только такого, который не обжигает язык и не пахнет дурно.

Интеллектуальная ситуация Запада

Внимательно читая канон от *Philosophie Magazine*, можно увидеть не просто вкусы нашего времени нашей цивилизации, а ритм её мышления — способ вырабатывать смысл в состоянии хронического кризиса. Эти десять имён — не столько философы, сколько органы одного и того же организма — западного разума в режиме выживания. Их общая миссия — поддерживать метаболизм смысла: не давать цивилизации умереть от собственного скепсиса и не дать ей помолодеть от открытости к смешениям. Чтобы понять этот тип мышления, нужно проследить его четыре перехода: от Просвещения к иммунологии, от утопии к ремонту, от критики к повествованию и от системы к сети.

В XVIII веке разум представлялся светом, рассеивающим тьму. В XXI-м он превратился в антисептик. Западная философия больше не обещает освобождения человечества через истину — она обещает предотвратить инфекцию хаоса. Её лексика медицинская: устойчивость, защита, антитела, регенерация.¹ Истина теперь равна здоровью, свобода — устойчивости, разум — терапии. Европа лечит себя микродозами критики, чтобы не умереть от сомнения.

Второй переход — эмоциональный. Великие утопии эмансипации исчерпались. На их месте — этика поддержания. Современный философ напоминает зрителя старого здания, который чинит проводку и проверяет крышу, не покидая руины. Хабермас проектирует новые процедуры, Харауэй ухаживает за «множественными родственниками», Ту Вэймин воспитывает внутреннюю гармонию, Сингер измеряет сострадание. Никто не строит новый мир — все учат жить в старом без истерики.

Третье превращение — смена формы. Фигура философа-законодателя уступила место философу-рассказчику. Жанры поменялись: вместо трактата — эссе, подкаст, видеолекция. Клуге пишет теорию как монтаж историй, Харауэй — как сказку. Современная мысль повествует, потому что цифровая культура вознаграждает сюжет, а не систему. Философия стала формой сторителлинга: она превращает противоречия в сюжеты, чтобы читателю было легче пережить неразрешённое.²

Наконец, философия стала сетевой. Системы — марксизм, феноменология, структурализм — распались на узлы, соединённые потоками

---

¹ Об этом писали уже и Эспозито и Слотердаjk: Esposito, 2011, цит.; Sloterdijk, 2013, цит.

² Это подметил уже Рансьер в 2004: Rancière, J. (2004). *The politics of aesthetics* (G. Rockhill, Trans.). Continuum.

данных и грантов. Авторитет теперь измеряется не глубиной, а связанностью. Канон 2025 года — зеркальное отражение этой сетевой логики: каждая фигура — хаб для своей аудитории — академической, активистской, художественной. Вместе они образуют инфраструктуру мягкой силы.

Если нанести всё это на карту, получится четыре координаты современной мысли:

Этическая плотность вместо теоретической глубины — мораль важнее системы.

Институциональный комфорт вместо экзистенциального риска — философия живёт внутри университетов, а не на баррикадах.

Глобальная видимость вместо локального участия — включение сверху, а не снизу.

Починка вместо воображения — сохранение формы при потере импульса.

Так проявляется культура, которая говорит блестяще, но боится дышать глубже и чаще. Она превратила критику в самообслуживание, а плюрализм — в маркетинговую стратегию.

И всё же, несмотря на усталость, в этом есть достоинство. Способность сохранять моральное единство — редкий навык эпохи позднемодерного декаданса. Мысль Запада утратила вкус к революции, но не научилась держать совесть в тонусе. Ее слабость — неспособность выйти за пределы — одновременно и ее сила: отказ сдаться варварству.

И потому философия в 2025 году — это уже не проект спасения, а искусство перевязки: она лечит раны, усиливает иммунитет, но не спрашивает, откуда кровь и в чем причина поножовщины. Вопрос только в том, сможет ли такая починка и эта перевязка держать цивилизацию здоровой или всего лишь продлить её истощение.

Заключение. Философия как моральная иммунология

Если смотреть поверхностно, рейтинг *Philosophie Magazine* кажется триумфом разнообразия: десять живых философов — мужчины и женщины, Юг и Запад, анализ и континент, — все на одном подиуме мысли. Но за этим мозаичным фасадом скрывается удивительное единство функции. Эти десять мыслителей вместе образуют иммунную систему западного разума. Их цель — не преобразование, а стабилизация. Они не революционеры, а терапевты и ремонтники.

Канон действует как аптека: он сохраняет просвещённое наследие, но в биополитическом формате XXI века. Запад больше не претендует быть носителем универсальной истины; он скорее пациент, учившийся управлять

хроническими болезнями — неравенством, усталостью, утратой веры. Философия стала медициной совести.

Каждый из участников этого «топа» выполняет свою терапевтическую функцию. Хабермас прописывает курс диалога от цинизма. Слотердаик проектирует архитектуру коллективного иммунитета. Спивак, Харауэй и Сиксу создают антитела различия. Сингер внедряет моральные алгоритмы. Нагель защищает сознание как форму жизни. Ту Вэймин предлагает дисциплину самовоспитания. Жижек вводит отрицание как прививку от догмы. Ключе возвращает воображение, чтобы пациент не утратил снов. Вместе они воплощают то, что Роберто Эспозито называл *иммунитарной парадигмой*: защиту жизни через управляемое воздействие опасности.¹ Философия впитывает дозы критики, чтобы не заболеть радикальностью.

Но выживание не бесплатно. Превратив критику в терапию, Запад рискует новым видом нарциссизма: он больше лечит себя, чем думает. Его иммунная система защищает идентичность ценой воображения. Пугаясь вируса утопии, он стерилизует мысль. Так сбывается предупреждение Адорно: когда Просвещение становится самообороной, оно превращается в миф.² Пропавшие темы — экономика, власть, трансценденция, техника — не случайность, а симптомы. Цивилизация сохраняет разум, но избегает тех сфер, где разум мог бы заболеть истиной.

И всё же этот канон нельзя просто осмеять. Его приличие и сдержанность — не слабость, а инстинкт выживания. Вопрос лишь в том, сможет ли Запад снова превратить этику в воображение. Нужна не отмена ремонта, а новый его вид — *репаративное Просвещение 2.0*. Такое Просвещение умело бы соединять моральную осторожность с политической смелостью. Оно вернуло бы экономике место в этике, а власти — в политфилософии. Оно бы наконец услышало не только свой Юг и Восток, но и признало их соавторами, а не подопечными. Оно бы говорило о технике не в поэтических образах, а в коде. И, может быть, снова рискнуло бы заговорить о Боге и Богах — не о догме, а о Высшем. Это не отмена иммунологии, а её зрелость: способность не прятаться от инфекции, а учиться жить с ней.

Итак, философский канон 2025 года — и зеркало, и предостережение. Он показывает, что Запад, несмотря на усталость, всё ещё верит в разум как общий язык. Его философы — хранители диалога в эпоху воплей. Но тот же канон напоминает: забота без дерзости превращается в самоуспокоение. Цивилизация не может вечно чинить себя — однажды придётся строить дальше, а возможно и строить заново.

---

¹ Esposito, 2011, цит.

² Adorno, T. W., & Horkheimer, M. (1947). *Dialectic of enlightenment*. Querido.

И, наконец, формула для памяти: то, что мысль Запада ценит и что забывает в своём каноне, говорит о ней больше, чем любые исследования. Это культура, цепляющаяся за разум, как за шлюпку, бесконечно её латая, но боясь поднять парус. Задача философии — не ремонт, а выход в открытое море. Потому что мысль создана не для того, чтобы охранять постигнутое, а чтобы вновь и вновь встречаться лицом к лицу с постоянно меняющимся миром.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Adorno, T. W. (1966). *Negative dialectics*. Suhrkamp.
- Adorno, T. W., & Horkheimer, M. (1947). *Dialectic of enlightenment*. Querido.
- Agamben, G. (1998). *Homo sacer: Sovereign power and bare life*. Stanford University Press.
- Beck, U. (1992). *Risk society: Towards a new modernity*. Sage.
- Bell, D. A. (2008). *China's new Confucianism: Politics and everyday life in a changing society*. Princeton University Press.
- Bennett, J. (2010). *Vibrant matter: A political ecology of things*. Duke University Press.
- Bourdieu, P. (1988). *Homo academicus* (P. Collier, Trans.). Stanford University Press.
- Brown, W. (2019). *In the ruins of neoliberalism: The rise of antidemocratic politics in the West*. Columbia University Press.
- Chalmers, D. J. (1996). *The conscious mind: In search of a fundamental theory*. Oxford University Press.
- Cixous, H. (1976). Le rire de la Méduse. *L'Arc*, 61, 39–54.
- Collins, R. (2020). *The sociology of philosophies: A global theory of intellectual change*. Belknap Press.
- Dussel, E. (2013). *Ethics of liberation in the age of globalization and exclusion*. Duke University Press.
- Esposito, R. (2011). *Immunitas: The protection and negation of life* (Z. Hanafi, Trans.). Polity Press.
- Fraser, N. (2022). *Cannibal capitalism: How our system is devouring democracy, care, and the planet—and what we can do about it*. Verso.
- Fricker, M. (2007). *Epistemic injustice: Power and the ethics of knowing*. Oxford University Press.
- Habermas, J. (1987). *The theory of communicative action* (Vols. 1–2). Beacon Press.
- Habermas, J. (2022). *A new structural transformation of the public sphere and deliberative politics*. Polity Press.
- Haraway, D. J. (1985). A cyborg manifesto: Science, technology, and socialist feminism in the late twentieth century. *Socialist Review*, 80(2), 65–108.
- Haraway, D. J. (2016). *Staying with the trouble: Making kin in the Chthulucene*. Duke University Press.
- Harvey, D. (2019). *The anti-capitalist chronicles*. Pluto Press.
- Illouz, E. (2021). *The end of love: A sociology of negative relations*. Polity Press.
- Joseph, J. (2013). Resilience as biopolitics: Networks, hierarchy and strategy. *Resilience*, 1(1), 38–52. <https://doi.org/10.1080/21693293.2013.765741>

- Kluge, A. (2017). *Das Buch der Kommentare*. Suhrkamp.
- Koselleck, R. (2004). *Futures past: On the semantics of historical time* (K. Tribe, Trans.). Columbia University Press.
- Latour, B. (2005). *Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory*. Oxford University Press.
- Mbembe, A. (2020). *Out of the dark night: Essays on decolonization*. Columbia University Press.
- Nagel, T. (2012). *Mind and cosmos: Why the materialist neo-Darwinian conception of nature is almost certainly false*. Oxford University Press.
- Nasr, S. H. (1992). *The need for a sacred science*. State University of New York Press.
- Nussbaum, M. C. (2006). *Frontiers of justice: Disability, nationality, species membership*. Harvard University Press.
- Philosophie Magazine*. (2025, Autumn). *Die Jahrhundert-Philosophen [Sonderausgabe Nr. 34]*. Paris: Nomen Verlag.
- Rancière, J. (2004). *The politics of aesthetics* (G. Rockhill, Trans.). Continuum.
- Schmitt, C. (2005). *Political theology: Four chapters on the concept of sovereignty* (G. Schwab, Trans.). University of Chicago Press. (Original work published 1922)
- Singer, P. (1975). *Animal liberation: A new ethics for our treatment of animals*. Random House.
- Singer, P. (2011). *Practical ethics* (3rd ed.). Cambridge University Press.
- Sloterdijk, P. (1998–2004). *Sphären I - III. Bd. I.: Mikrosphärologie: Blasen. Bd. II: Makrosphärologie: Globen. Bd. III: Plurale Sphärologie: Schäume*. Suhrkamp.
- Sloterdijk, P. (2013). *You must change your life: On anthropotechnics* (W. Hobson, Trans.). Polity Press.
- Spivak, G. C. (1988). Can the subaltern speak? In C. Nelson & L. Grossberg (Eds.), *Marxism and the interpretation of culture* (pp. 271–313). University of Illinois Press.
- Spivak, G. C. (2012). *An aesthetic education in the era of globalization*. Harvard University Press.
- Srnicek, N. (2017). *Platform capitalism*. Polity Press.
- Taylor, C. (2007). *A secular age*. Belknap Press of Harvard University Press.
- Tu, W. (2010). *Centrality and commonality: An essay on Confucian religiousness* (2nd ed.). State University of New York Press.
- Wiredu, K. (1998). *Cultural universals and particulars: An African perspective*. Indiana University Press.
- Žižek, S. (2009). *The parallax view*. MIT Press.
- Zuboff, S. (2019). *The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power*. PublicAffairs.